

склонности к другому и новому бытию и даже к какому-нибудь другому модусу бытия, она не может быть подвержена изменению в отношении какого-либо качества и не может иметь ничего противоположного или отличного как причины своего изменения, ибо в ней всякая вещь согласна. Она не материя, ибо не имеет фигуры и не может ее иметь, бесконечна и беспредельна. Она не форма, ибо не формирует и не образует другой, ввиду того, что она есть все, есть величайшее, есть единое, есть вселенная. Она неизмерима и не является мерою. Она не охватывает, ибо не больше себя, она не охватывается, ибо не меньше себя. Она не приравнивается, ибо не есть одно и другое, но одно и то же. Будучи одним и тем же, она не имеет бытия и еще бытия, и так как не имеет бытия и еще бытия, то не имеет части и еще части; и вследствие того, что не имеет части и еще части, она не сложна. Она является пределом; она в такой степени является формой, что не является формой; в такой степени материей, что не является материей, в такой степени – душою, что не является душою, ибо она есть все без различий и поэтому она едина; вселенная едина. В ней, конечно, нет большей высоты, чем длины и глубины, отсюда по известному подобию она называется, но не является шаром. В шаре длина такова же, как ширина и глубина, потому что они имеют одинаковый предел; но во вселенной ширина, длина и глубина одинаковы, потому что одинаковым образом они не имеют предела и бесконечны. Если они не имеют половины, четверти и других мер, если нет там меры, нет там и соизмеримой части, нет там абсолютно части, которая бы отличалась от целого. Ибо если пожелать ее назвать частью бесконечного, необходимо назвать ее бесконечным; если она бесконечна, то совпадает в одном бытии с целым; следовательно, вселенная едина, бесконечна, неделима на части. И если в бесконечном не находится различия как части и целого и как одного и другого, то, несомненно, бесконечное едино. Соответственно понятию бесконечного оно не является большей частью и меньшей частью, ибо пропорциональности бесконечного не более подходит какая-нибудь сколь угодно большая часть, чем другая, сколь угодно меньшая; и поэтому в бесконечной длительности час не отличается от дня, день от года, год от века, век от момента; ибо одни из них не меньше и не больше, чем другие, в соизмерении с вечностью. Подобным же образом в бесконечности не отличается ладонь от стадия, стадий от парасанги; ибо парасанги для соизмерения с безмерностью подходят не более, чем ладони. Следовательно, бесконечных часов не больше, чем бесконечных веков, и бесконечные ладони не больше числом, чем бесконечные парасанги. К соизмерению, подобию, единству и тождеству бесконечного бытие человека не более близко, чем бытие муравья, звезды, ибо к этому бытию бытие солнца, луны, не более приближается, чем бытие человека или муравья, и поэтому в бесконечном эти вещи неразличимы; и то, что я говорю об этих вещах, я подразумеваю относительно всех других вещей частной субстанции. Но если все эти частные вещи в бесконечном не суть одно и другое, не различны, не являются видами, то, следовательно, они не являются числом; таким образом, вселенная, кроме того, неподвижна. Это потому, что она охватывает все и не терпит одного и другого бытия, и не переносит ни с собою, ни в себе никакого изменения; следовательно, она есть все то, что может быть и в ней, как я сказал в другой день, действительность не отличается от возможности. Если действительность не отличается от возможности, то обязательно следует, что в ней точка, линия и поверхность не отличаются друг от друга; ибо данная линия постольку является поверхностью, поскольку линия, двигаясь, может быть поверхностью; данная поверхность постольку двинута и превратилась в тело, поскольку поверхность может двигаться и при помощи ее сдвига может образоваться тело. Итак, с неизбежностью следует, что в бесконечном точка не отличается от тела, ибо точка, скользя из бытия точки, становится линией, скользя из бытия линии, становится поверхностью; скользя из бытия поверхности, становится телом; итак, точка, принадлежа в возможности к бытию тела, не отличается от бытия тела там, где возможность и действительность одно и то же.

Итак, неделимое не отличается отделимого, простейшее от бесконечного, центр от окружности. Таким образом, бесконечное, будучи всем тем, что может быть, неподвижно, ибо в нем все неразлично, едино; обладая же всем величием и совершенством, какое где бы то ни было может быть, оно является величайшим, наилучшим и безграничным. Если точка не отличается от тела, центр от окружности, конечное от бесконечного, величайшее от малейшего, мы наверняка можем утверждать, что вся вселенная есть центр, или что центр вселенной повсюду, и что окружность не имеется ни в какой части, поскольку она отличается от центра; или же что окружность повсюду, но центр нигде не находится, поскольку он от нее отличен. Вот почему не только не невозможно, но необходимо, чтобы наилучшее, величайшее, неохватываемое было всем, повсюду, во всем, ибо как простое и неделимое оно может быть всем, повсюду и во всем. Итак, не напрасно сказано, что